

**НЕКАНОНИЧЕСКОЕ
ЖИТИЕ
АЛЕКСЕЙ СУСЛОВ**

ВЕРУ В БОГА - НА ПОТОК!

Алексей Суслов
Неканоническое житие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23459784

Аннотация

"Веру в Бога на поток!" – вот призыв нового реалити-шоу, участником которого становится старец Лазарь. Что он получит в конце этого проекта?

Содержание

Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	46
Глава 8	53
Изгой	61
Девушка лёгкого поведения	88

Глава 1

Весной, когда снег сошёл с сопок, старец Лазарь прибил-ся, осторожно передвигаясь в старых валенках, в которых ноги жутко сопрели и на пальцах, сморщенных, открылись язвочки величиной в булавочную головку, к шикарному особняку, владел которым один из лесозаготовителей, для которых торговля лесом – это не служба вечной родине, но способ разжиться лёгкими деньгами, на которые потом будут куплены бесчисленные квартиры, машины и прочая завлекательная вещь. Особняк как орлиное гнездо высился среди тайги. Лазарь несколько раз обошёл вокруг, прежде чем постучать в свинцовую калитку.

-Эй, люди добрые! – воззвал протяжно старец, стуча палкой об медный набалдашник арки. В ключном проёме кто-то оставил инструмент отмычки, т.е. тот самый ключ, которым стоило открыть калитку, но Лазарь, благодаря богатому жизненному опыту никогда не шёл впереди паровоза, всегда просчитывая каждый свой шаг, каждый свой немаловажный поступок.

Калитку открыл также бородатый мужчина средних лет. Он вытаращил нагруженные чифиром яблоки глаз. Голос его

был могуч, что хоть в церковный хор бери. Движениями сутеными он представлялся сугубо человеком низких потребностей, но где-то в глубинах его важных черт читалась военная выправка.

-Да, слушаю – сказал он. Пуховик его слежался и от него пахло мышьиной шерстью.

Старец сосредоточенно взгляделся в эти мутные глаза и откуда то из-за спины подул холодный ветер.

-На постоянные пустите? -он хотел ещё добавить: "буду молиться зав ваши души", но не стал торопить события. Лазарь заметно продрог и собеседник напротив это заметил.

-А чё ж не пустить, если сам хозяин говорит: мы каждому рады, кто работы не пугается – и пропустил Лазаря во двор.

Пробежал от беседки к беседке заяц, петляя словно пьяный. Конь, запряжённый лёгкой старой телегой, стоял у сложенных дров. Пожухлая крапива, свесившая плетённые ре-

зучей травой, свесила свои головы и была опалена кое-де. Стоял старый нерабочий мотоцикл, около которого возился человек в занимательной ковбойке.

-Вы ко мне в каморку проходите – сказал мужчина и представился Виктором. Так и познакомились. Друг друга они нашли родственными душами. Говорили много и долго, иногда подходя к окну и смотря что там делается на воздухе. А весна была хоть и ранняя. но уже с бойкой красотой возмужавшей девушки.

В каморке горела печь. В кастрюле варился житкий суп, и рис, поднятый паром, вываливался на раскрасневшуюся стальное полотно.

Лазарь снял полушубок и стал снимать валенки. Пошёл неприятный дух, но хозяин даже не сморщился: в армии и не то повидал. Бывало, на учениях и крыс ели, и портянками сопли вытирали...Россия, чёрт побери!

-Теплеет нынче – произнёс Виктор. Его рыжие волосики прилипли ко лбу, делая его похожим на заезжего мага-вол-

шебника.

Старец взглянул на икону святого Николая и сказал тихо, словно во сне:

-В Бога веруете?

Виктор перекрестился. Ответил также тихо:

-Грехи молодости замаливаю. Однажды девку соседнюю совратил. Семь лет давали. Теперь зону вспоминаю и водку глушу – он сел на табуретку и закурил вонючими сигаретами.

-Чем же девка тебе так приглянулась?

-Больно робкая она была, жизни боялась. Я её не хотел обидеть, но в процессе голову потерял – и в омут. После тюрьмы женился на вдовушке. Была она слаще тульского пряника после тюремных баланд. Я её подарками такими завалил, какие белый свет американский не видывал. Расцве-

ла моя жёнушка как цветок аленький, а про этапы зековские даже и не спрашивала, а только говорила: "не пей. милый. а живи по Божески!" Прожили в печали и радости одиннадцать лет. А далее – импотенция (сказались невесёлые зоновские дни, наполненные страхом в костях и жилах). Стала жёнка изменять направо и налево, едва её не забил плетью до смерти. И ушёл сюда. В первых днях кошмары мучили, потом кровавым обливался, но потом по привычке. Днём работа. а вечером радио. Телевизор не смотрю, труха там одна древесная гниль-перегниль...

И вспомнил старец Лазарь свою грустную жизнь и едва не закричал. У него зона, а у меня блуждание по матушке земле с дыркой в сердце.

-А хозяин этого богатого имения кто? – спросил он, убирая руки в карманы.

Виктор подал фотографию Лазарю.

-Вот он. Шестьдесят восемь лет. Миллионы долларов в банках, а жена – оторва, каких свет не слыхивал! Прилетит

Михалыч на вертолётe своём, а она как была в чём мать родила, так к нему, после забав и пьянок, на шею. Целует и рыдает будто медведица. Весело живут: едят из серебряной посуды, пьют всегда минеральную воду, а я хлебаю такую ржавь из цистерны привезённой, что через день понос. Но, слава Создателю, нет геморроя.

Лазарю этот господин понравился. Вылитый волк. Такие до революции в России были, грызли кости пролетариата. Который их на парашу да на кол и посадил. Страшный у нас народ, злопамятный.

-Он меня примет в ваш двор? – спросил Лазарь.

-Поговорить надо. Вообще-то человек он хороший, но деньги своё дело сделали: пьёт он как и я. Я то пью по мужской слабости, а он – по женской. Я пью – собаки воют, а он пьёт – ружья бахают. Разница.

Виктор налил стакан самогона и выпил, не закусывая. Сразу захмелел.

-Михалыч скоро на повышение пойдёт: был он олигарх, а станет губернатором области. Во прогресс! Единомышленников у него – пруд пруди, но и врагов много. А ты не из них? – Виктор прищурился и грохнул по столу, так что из бутылки пролилось на стол и на пол. Захмелел как сивый мерин от свежего поила.

Лазарь усмехнулся:

-Странник я. Бросил ученика – и в дорогу. Решил поменять своё бытие.

Управляющий затряс головой и закричал дурным голосом:

-Что странник, за это хвалю! А бытие – оно и в Африке бытие. В армии, бывало, где только черти не носили: и в болоте, и в берлоге спалось, но всё радость была, что рядом люди хорошие были. Ты, вижу, тоже человек что кувшин дорогой – везде сгодишься, с тобой можно в разведку пойти. Главное, в нашей жизни иметь сто друзей, а ста рублями кое-

где подтереть вовремя. Жизнь многому учит тех, кто уши вовремя чистит да нос от соплей утирает.

Легли спать по разным углам. Где-то выли волки, но они никого не пугали. Ветер задувал стираное бельё, висевшее на флюгере. Ночь, звёздная и симпатичное как лицо младенца, веселила филина и сов, и странное чувство брало у сторожа этой заимки: все спять, а он сторожит. Но от кого? От самого себя. Вот такой курьёз!

Глава 2

Утро пахло выгребной ямой у правого забора. Восход солнца, словно обжаренный блин, был обалденно прекрасен. В небольшом курятнике, оббитом рубероидом, сновали куры и красивейший петух, чья президентская поступь придавала всему этому заведению царственное величие.

-Как спалось? – радостный что Бог сподобил снова жить, спросил Виктор. Он спал три часа. а остальное время рассматривал карты, где река соприкасалась с другой рекой, где, в свою очередь, намечалась добыча золота. За право добывать драгоценный металл дрались в прямом смысле четыре крупнейшие фирмы, и только благодаря прозорливости Виктора, который когда-то в далёком прошлом добывал золота в зоновском руднике, удалось минимизировать угрозы экологии.

Старец Лазарь поохал и ответил:

-Мать покойница снилась, что-то бормотала как лиса зай-

цу, но я не разобрал. К дождю, поди...

И точно – к обеду тучи затянули небо словно кто-то накинул тёмный халат. Птицы притихли, и только воробьи перелетая с тополя на тополь, о чём-то переговаривались. Мотоцикл плавно заурчал, взрывая тишину. Парень в ковбойской шляпе, словно тореадор, мчался по дорожке из песка, оглядываясь на разинувшего рот Виктора и что-то кричал.

В 16 часов прилетел на вертолёте хозяин Михалыч. Рядом с ним находился здоровенный бык Квача, воевавший когда-то в Боснии. О нём говорили как о безжалостном убийце, не жалевшем даже детей-католиков, чьи головы были сняты во имя справедливой веры. На все эти досужие вымыслы Михалыч говорил: разберёмся – и отчитывал быку пару пачек баксов. Квача лихорадочно бросил взгляд на особняк, оценил его нелицеприятный вид после периода запустения и закурил сигару. Михалыч деловито обвёл всё зорким трезвым взглядом, успокоился. Взглянув на Лазаря, спросил, кто таков. Старец, приподняв грудь, представился.

-Ты мне и нужен, мил человек! – громко, кашляя одновременно, заговорил снова Михалыч и похлопал старца по

плечу – Не лады у меня с супругой, с хохлушкой моей, уж больно попалась прыгучая! Да, Витя, вопрос к тебе: почему следы посторонние у центрального забора вдоль сосняка?

Виктор пожал плечами. Всякие претензии хозяина он воспринимал как личное унижение, но по-армейски был выдержан. Иногда его кадык возмущенно по-шатунски ходил вперёд-взад и слова еле шли с губ, и тогда Михалыч давал себе слово уволить к чёртовой матери "этого слизистого засранца". но тот ас это забывал. Помялся, после сказал:

-Проверить надо. Кажись, кто пожаловал... Я как-то приглядывался к этому месту, и что-то сердце ёкало. А вдруг, это медведи? Не похоже, но а вдруг?

Будущий губернатор расстегнул пальто и снял галстук прямо на ветру.

-Всё тебе "а вдруг и а вдруг..." – громко сказал миллиардер -Не к добру это... – и пошёл с охраной в особняк. Квача по-жемански всхаркнул и сплюнул рядом с Виктором.

Кто ходил вдоль забора, нашли сразу: мальчик лет 9, белобрысенький, который сразу же расплакался как девчонка. Как очутился в здешних краях молчал, а только звал мать по имени и говорил, что в школу не ходил, а всё сидел дома и читал. Прочитал Большую энциклопедию о животных. Читал Библию и Коран...

-И кто ж тебя таким премудростям учиться заставил? – спросил раскрасневшийся Виктор. Он подозревал мальчика во преднамеренной лжи, но где-то в глубине своей души виделось, что малый честен как кленовый лист. Виктор хорошо разбирался в людях, мог по одному взгляду определить весь вектор мыслей желаемого человека и красота этих знаний воодушевляла прозорливца.

Мальчик ответил, глядя из-под лобья:

-Мать... А отца не знаю. – и добавил: – Мать говорила: скоро батька тебя на вертолёте катать будет.

Когда он это произнёс, все ахнули. Михалыч обнял по-

медвежьей обретенного сына. По лицу его, как и у мальчишки, текли слёзы. Жалка казалась прошлая жизнь, но какие заманчивые силы будущего открывались теперь перед ним! Деньги решают всё, но человеческие чувства всегда берут верх над любым количеством денег. Суммы в Швейцарии и на Кипре приятно радовали сердце, но обретенный единственный сын и наследник выражал в миллиардере восхитительные чувства. Хотелось кричать всему миру: "Счастье, ты есть!"

...Наигрался за три дня прошедших мальчик всласть! И на вертолёте летал, так, что обретенный папка часто хватался за сердце и клял по чьём есть расшалившихся пилотов.

Вечером, когда отцовские чувства взыграли с новой силой, он постучался и открыл дверь Никиты, так звали мальчика.

Странная картина: со спущенными штанами Никита лежал на розовой простыне и играл со своим маленьким пенисом, водя кулаком туда-сюда. На лице была сосредоточенность и сладость. Детский азарт сексуальной игры так овладел мальчиком, что он не слышал скрип двери и не видел

взгляда отца, в котором читалось такое чувство , которое расшифровывалась одной фразой "ну даёт пацан!" Всё очарование некоторых моментов в жизни является их простотой, детской простотой.

Михалыч осторожно прикрыл дверь и пошёл в домик управляющего. Тот пил чай с Лазарем и рассказывал историю про кабана, обглодавшего всю кору на вековом дубе, так как у него чесались зубы после убийства лесника.

Слушали олигарха как малые дети. Лазарь едва кружку не уронил.

-Весь в меня пошёл! – вздыхал Михалыч. – Я до 20 лет этим делом занимался, и всё не знал, как закончить, пока Зинаиду (мать мальчика) не встретил. Сладкое это дело, завлекательное, трудно прекратить, будто дьявол за одно место держит.

Лазарь тут же сказал, основательно вытерев глаза платком:

-А так и есть – дьявол и держит. Есть средство: как только рука тянется к сраму, думай, что тебя уже три дня как схоронили, оплакали все твои грешные поступки и взяли в рай. Глубина этих мыслей поражает любой грех, ведь против лома не приёма – рай всё победил. ...Один мужик так себя этим делом замучил, что жену свою бросил и детей троих. Срам его одолел, как деревом лишай. Отвадил я его этим средством, теперь с женой живёт, вернулся, значит.

Михалыч выпил стакан самогона, закусил редиской, которую привёз из городской теплицы днём ранее и ушёл просвещать заблудшую душу.

Долго говорил мальчику слова, которым его научил умный старец. Мальчик кивал, пряча взгляд.

-Спокойной ночи! – сказал наконец уже назначенный губернатор и поцеловал Никитку в белые власы. – Помни мои слова. Денег у меня много, любая твоя слабость (болезнь) может быть вылечена, но если ты своей душе повредишь, ничто не спасёт тебя. Часто твой отец лил кровь, часто люди проливали слёзы, глядя на меня. но я всегда берёг душу от

бездумной страсти. Страсть способна убить навсегда и будет совсем замечательно, если ты бросишь это гнилое дело. За это я подарю тебе магазин игрушек. Согласен, мой мальчик?

Глава 3

Через две недели в кортеже из пяти машин прибыла в особняк молодая роскошная подруга Михалыч Элеонора.

Закатали пир горой: здесь тебе и молочные поросята, брызжущие напитанным соком, птица различных видов и всё то разнообразие, что может предоставить бескрайние русские просторы.

На торжественной тусовке губернатор и старец Лазарь восседали бок о бок. Пели расшалившиеся цыгане, рвя глотки и пуская волной многоцветие одежд. Захмелевший Михалыч, взяв микрофон из коробки с шампанским, громко, как всегда подходит тем, кто живёт по-барски, начал:

-Дамы и господа! На минуту закроем рты и послушаем отзвуки моего мышления. Давно меня терзала задумка сделать нечто полезное для духовного развития русских земель. Буду предельно ясен и краток: задумал я реалити-шоу "Неканоническое житие", где в течение реального времени наш народ

будет наблюдать духовные поиски и жизнь нашего уважаемого старца Лазаря, которого я имел честь принять в свои пенаты три недели назад.

Один из гостей, напыщенный мужичок в розовом пиджаке так аплодировал, что вывихнул мизинец на левой руке. Тяжко встав из-за стола. он потянулся до бутылки "Smirnoff", открыл её небрежным движением уже подвыпившего человека и полил на палец. Благодатное чувство накрыло его; душа наслаждалась прекрасным чувством радости.

Старец хрустел аппетитным малосолёным огурцом и прикидывал на ум, во сколько обойдётся губернатору его новая затея. Весь пафос размышления Лазаря заключался в едином: отдать Богу как можно более своих талантов, чтобы получить от народа своевременную пользу, которая виделась ему не в славе и почитании, а в реальном количестве рублей. Ведь слава – это преходящая волна, которая большинство смывает безвозвратно, а деньги, их магическое обладание сам Господь Бог готов принять с особым восторгом. У кого имеется купюра, у того имеется всё, что потребно каждой человеческой душе.

Толпа, пожирающая деликатесы, волновалась бурным потоком: "Дайте слово Лазарю!" , "Дайте слово Лазарю!" Восторженный вопль будто крик на новгородском вече полоскал волнение и азарт чувств.

Лазарь схватил микрофон своими могучими жилистыми руками и заговорил, окая на каждом слове:

-Что говорить мне? Каждое моё слово должно вызывать у вас катарсис. Мне ли шептать вам, дорогие мои, – нет! мне громко говорить следует: согласен! согласен!

Милый мой, Лазарь! Чем для тебя обернётся эта нажива... Не пустотой ли, не выжженным полем, на котором когда-то цвели васильки и ромашки? Доброта должна быть безвозмездна, в идеале – она есть подвиг; ты же захотел зачерпнуть денежной воды, вдоволь напиться и не поперхнуться её мутным осадком. Зачем тебе это гнилое дело; всякое телевизионное дело, проект настроен на ответной прибыли, а что ты можешь заработать, ведь твоё дело – спасти души, а ты вторгаешься в глубокое море, способное убить, захватить целиком...

Михалыч вышел из зала и направился охране, пившей отдельно от приглашённых.

-Ребята, приготовьте вертушку и ждите, когда я буду готов вылететь.

Пошёл сильный дождь, омывающий гранитные плиты, уложенные дорожкой. Виктор сидел под гребком и смотрел на губернатора. Он готов был броситься под хляби небесные, ибо Михалыч дал ему новый смысл жизни, заключавшийся в жратве и развлечениях. На днях рогатиной завалили медведицу и столь полного удовлетворения управляющий никогда ранее не ощущал.

Михалыч махнул рукой. Виктор сорвался с места как спринтер, мчался как борзая, готовая помочь хозяину исполнить его мысли.

-Слушай, Витя. Лазаря на три дня поселись в номер в особняке, пусть пообщается с Элеоноркой, вправит ей мозги. Но смотри, чтоб не сильно он проповедью махал, а то она

соберёт манатки – и в город. Знаешь же её проституточный характер.

-Готов выполнять! – вытянулся как глист управляющий.

Губернатор потёр нос, алеющий словно ужаленный пчелой и добавил, глядя сквозь Виктора:

-Гостей развезёте в порядке очереди. А я улетаю на конференцию, буду заниматься государственными вопросами, а значит, по пустякам меня не тревожить и ****ями не волновать!

Виктор икнул.

-А если Элеонора...

-А если Элеонора дождётся меня как порядочная дама, а не как ссыкуха из заправки, то получит новый бриллиантик на свой прелестный пальчик. Так ей и передай! Да, за Лаза-

рем надзор особый: пусть не переедает, читает как можно больше и вообще – наслаждается предвкушением лакомства славы, которая спуститься к нему с неба как манна небесная.

Подошёл Квача, играющий желваками. Его бугристые мышцы, давившие хрупкие шеи боснийских детей, жаждали нагрузки. Тренировками у груши и манекенах он удовлетворялся кое-как, а секс вообще презирал как нечто противоестественное.

-Вертолёт готов, Евлентий Михайлович! – сказал он, еле выговаривая имя и отчество своего хозяина. Некогда он хорошо учился, но занятия каратэ отбили это желание. Его тренер и гуру по совместительству учил его так подходить к тренировкам, чтобы были отмечены все левые, второстепенные желания. Квача, он же Квачев Сергей Глебович выбрал приоритет силы над знаниями.

Много желающий нашлось проводить Михалыча в дорогу. Некоторые стояли на коленках, подпираемые трясущимися руками. Лазарь красивым взглядом наблюдал взлёт вертолёта над тайгой, которая уже погружалась в сон, но гул лопастей нехотя её разбудил. Спи, тайга!

Глава 4

Иногда бывает, что нас никто не ждёт. Но человек – это существо самоорганизованное, которому вполне хватает быть с самим собой и главным, и второстепенным лицом. Так было и с Элеонорой, приехавшей на такси в эту дрёму, чтобы как дикая кошка сновать по этажам, пить холодный мартини и листать дамские журналы, полные несусветной чуши.

Встреча со старцем Лазарем состоялась через два дня. После бани старец был розовощёк как младенец и его тянуло в сон. Спал он обычно четыре часа, остальное время отдавая молитве и чтению разнообразнейших книг. Всё, что он читал, запоминал как машина, однако, среди всей этой многочисленной информации мало было самого важного, без чего жить просто невозможно. И чем более старел Лазарь, тем более меньшим он обходился знанием, черпая из себя помаленьку да полегоньку.

Элеонора в этот день была весела как сорока, нашедшая клад. Она крутила с озорством педали спортивного велосипеда, прикрученного болтами к полу и странные чувства на-

делать шума и что-то нехорошее совершить всем на зло, пожирало душу девушки.

-Лазарь, подай воды – через час разговора сказала Элеонора, потная и счастливая.

Подавая небольшую бутылочку, отшельник мельком обхватил всем взглядом ладную фигуру хозяйки особняка. Грудь прелестна, но вот плечи немного грубы и шершавы; их будто не за имением времени бросили доводить до ума. Лоб могущественно выпукл, от чего приобретал сходство с манекеном ацтекской принцессы, забравшей в потусторонний мир всех служанок и домашних животных. Нос классический, напоминающий юность Барби...

-Ах, как я устала! – вздохнула девушка, снимая мокрую майку и трусики. Её обнажённое тело, как мысленно заметил старец, сочеталось весьма гармонично с обстановкой этой комнаты: размах и прекрасный тонкий вкус.

Одевшись, она вышла на балкон, чтобы развесить для сушки бельё.

-Скажи, Лазарь, в чём состоит твоя жизненная позиция? Чем ты пробиваешь бетон зависти и сплетен, которые так и выются вокруг твоей головы?

"Пытается вывернуть меня наизнанку" – подумал старец. – "Буду начинать с малого".

-Во-первых, меня учила жизнь, а потому на зависть смотрю сквозь пальцы. Советский человек был соткан целиком из самых низменных страстей, а я укрывался в это время в шалашке, чтобы сохранить свою душу от этих жалких щупальцев греха...

Элеонора сморщилась:

-Не надо о грехе, прошу тебя!..

Старец махнул рукой и продолжил:

-Войны, которые я прошёл, закалили мой характер крепче стали. Всё эти чеченские баталии с вывороченными кишками ("Фу!" – протянула Элеонора) и отрезанными головами ("Капец"!), конечно, потрясли мой разум, но верующему человеку все эти абракадабры не так уж и страшны, ибо с ним Бог. За каждым человеком стоит Бог, направляющий и на всё отвечающий, но не каждый вплотную подпускает Святость к себе. Мир соткан из этих двух желаний – или подпустить, или отторгнуть. С этим и живём.

-А жизненная позиция моя: 1)"не сотвори себе кумира" и 2)"не навреди живому".

Элеонора закурила, закинув ногу на ногу. Маленькой кресло иногда попискивало словно мыш. Девушка задумчиво разглядывала ноготки, как бы мысленно споря с собой.

-Скажи, я долго проживу? – вдруг спросила она.

"Вывернула, теперь запикивает обратно" – пробурчал Лазарь.

-Непосредственность живёт мало, но много живёт просто-та – ответил он.

Элеонора закурила с особой жадностью, будто это была её последняя сигарета. Её красивая головка, висящая в дыму, думала об этом странном человеке, скорее, даже особи мужского пола, столь мудро решающим трудные вопросы. А её волновало многое: почему папик после страстного секса не говорит ничего, а надувается как шарик в руках пионера?; почему у неё нет подруг?; и главное, что особенно терзало сердце: сколько стоит жизнь вообще?

-И для тебя, Лазарь, жизнь имеет огромную цену? Ты весь мир обречёшь, если заплачет детская головка?

"Это не она говорит, это бес в ней рассуждает" – подумал Лазарь, почёсывая бороду.

Лазарь подошёл к книжному шкафу, занимавшему много места. Спросил, много ли она прочитала этих книг, что ко-

решками блестели на солнце.

-Нет, это так тягомотно– прошептала девушка – Я смотрю кино, вот это действительно развивает личность! – сказала она уже громче.

"Вот он порок современности – низвести всё до тягомотства и ничтожности!" – с гневом поразмыслил старец.

-Девочка моя, ты любишь губернатора?

-Он достойный человек. Но с ним скучновато, вот его минус. Часто мы ругаемся, наши отношения иногда напоминают детские шалости. Да, я ещё ребёнок! Все мы, богатые – настоящие дети.

Лазарь прокашлялся. Приятность этого разговора ощущалась в его клетках. Эта девушка, беззащитная перед целым миром нуждалась в защите, но чем он, старый, но мудрый человек – да, всего лишь человек! – способен ей помочь? Случись какая беда, он бы первый просился предложить свою

помощь, спасти тело, но как помочь душе? Возможно, это реалити-шоу, где он, Лазарь, покажет схватку Добра и Зла, обернётся и для Элеоноры чем-то новым и полезным.

Глава 5

На съёмки сногшибательного реалити-шоу, где будет выставлено на всеобщее внимание духовное борец старца Лазаря в духе первых христиан, пожаловал из Германии популярный и харизматичный режиссёр Сташевский, имя которого было Анастас. Личность его, а вернее, её зеркально-ментальное отражение витало над всей Русью-матушкой, создавая некий аляповатый образ всезнайки в миру дураков.

Были установлены 15 телекамер, создавая некое подобие амфитеатра. Из веток и кое-где и из досок соорудили искусственную шалашку, в которой состоится подвизание главного героя. Сташевский порхал как бабочка, чуть отставив во мрак от тени свои изящные мизинцы. Операторы курили и матерились, шёл через час дождь и глина, размытая как кровоподтёки, бралась к подошвам дорогостоящей обуви.

Лазарь был одет в русскую рубаху, искусственно застаренную, от чего взгляд задвинутых куда-то во внутрь обтянутого кожей черепа проникновенных глаз создавал ощущение чего-то томящегося, как будто нарождающегося для радости

мира.

-Лазарь, ты готов? – будто космонавта спросил Анастас, убирая с плеча красный галстук. Ветер трепал верхушки могучих древесных исполинов.

-Всё во славу Божью! – перекрестился старец и шагнул в шалаш. Камеры заработали...

...Шли часы, вставали солнце и луна. Живительный воздух тайги нагнал на Сташевского насморк, отчего распухший нос ценителя тонкого вина и трюфелей из французской провинции стал "украшением" всего процесса. Управляющий Виктор лежал на боку, пристроившись в кузове грузовика и наблюдал съёмки. Особенно его впечатлил энтузиазм старца, с каким он взялся за духовную работу. Лазарь словно горящая лучина освещал всё вокруг внутренним светом...

Через три часа "Неканоническое житие" выпустили в прайм-тайм. И в душном Выгорске двое мужиков, усевшись у телевизора, поглощали кильку вперемешку с водкой особенно низкого качества. Один работал грузчиком, но попал

под сокращение штатов, а потому потерял статус добытчика семьи. Жена ушла к другому, не выдержав унижения безденежьем. Второй отродясь не трудился, а с регулярность посещал места не столь отдалённые. Этот день объединил их со старцем Лазарем какой-то невидимой нитью.

-Слушай, Косой, а это чё за новодел? – обратился первый ко второму, держащему рыбку за хвост.

-"Неканоническое житие". Это типа шоу с попом или монахом. Щас так модно: молишься Богу, а тебя пиарят по всему миру. Так Папа Римский себе миллионы баксов зарабатывает и в Банк Ватикана складывает на чёрный день. Говорят, и у нашего Кирилла кой-что припасено на случай народных волнений.

Бывший грузчик вытер ладонью рот и продолжил:

-Лазарь этот до самого неба выскочит, мой тебе глас. Забавно, но это шоу многим карманы нагрузит золотишком.

-И чем он там машет?

-Это крест серебряный. Наверняка, чертей изгоняет. Смотри, пена пошла, трясётся весь и рубаха порвалась на плече, видать, сильно его дьявол мотает.

Бутылка была выпита, килька кончилась, а продолжения хотелось как никогда. В хмельной голове этих двоих перемешались мысли о земном и небесном, чистое и пакостное... Россия смотрела это шоу так зачарованно, что все рейтинги были побиты. Радости продюсеров и Сташевского не было конца. Шампанское, разлитое по хрустальным фужерам, обволакивало пальцы, вытекая через края. И всеми забытый Лазарь, от которого разило потом и слюной, обняв ствол лиственницы, тихо шептал необыкновенный речитатив, словно от этого зависела его судьба. Он многого хотел от этих съёмок, но самое главное слетало с уст: дать людям смысл жизни посреди бури и жизненных штормов. И теперь, когда были сказаны рейтинги, Лазарь, уже обласканный величайшими словами в свой адрес, был готов проникнуть в святая святых христианской веры, её отшельничества и молитвословия.

Элеонора подарила старцу золотые запонки и Лазарь, истерзанный повышенным вниманием, выдержал поцелуй словно пытку.

-Тебе было страшно? – спросила девушка.

-Я не боюсь дьявольских сил, когда вокруг столько желающих мне помочь.

-Им нужны только деньги.

-А мне нужна возможность исправить народ.

-Ты идеалист.

-Что с того, когда на карту поставлена судьба русских людей.

-С чёртом забавы плохи, ты ведь в курсе.

-Главное, чего я смог добиться: сдвинуть ту глыбу пустоты, которая пролегла между православной верой и народом. Может, и в храмы будут ходить чаще.

-Не будут.

Лазарь вздохнул и посмотрел на ночное небо. Сиял Сириус, звёзды моргали как любовники.

-Будут, милая, будут. Без храмы жизни нет.

Глава 6

Трубка телефона раскалилась от жаркого разговора. Михалыч вталкивал в режиссёра Сташевского весь азарт запаха денег. Губернатор всякий раз ссылаясь на "добро и Кремля", говорил, кричал, что пусть Лазарь голодает до синего пота, рвёт астральное пространство, лишь бы реалити-шоу "Неканоническое житие" стало таким рентабельным, каким они его задумали в те полудохлые от жары часы полудня под Эйфелевой башней, где всякого русского ожидают моменты небывалого счастья.

И старец отдался этой забаве в игре в праведника: скрупулёзно вчитываясь в роскошные словами молитвы и сидя на хлебе и воде, он мнил себя особым благовестником, очистителем России, которая как новый Вавилон погрязла в духовной нищете. Тихий сухой голос Лазаря вызывал мурашки на коже у режиссёра и операторов, будто к их телам прикасалась обворожительная женщина в прозрачных одеждах...

Глубоко отошёл старец от мира, словно перегрызя пуповину повседневности, он навсегда удалился в некую нирва-

ну, в которую не верил с малых лет.

-Итак, начнём эпизод 7. Здесь произойдёт общение между человеком и духами – говорил, читая по бумаге, несколько раз выпадавшей из рук, режиссёр Сташевский.

Камера поехала... Лазарь, глубоко вдыхая вечерний воздух, вспомнил мать и её коров, которых числом было 12 и они их всех знала по именам.

-Лазарь, мы начали! – крикнул к мегафон режиссёр и откинулся на переносной стул.

Молись во всякое время, ибо само время не вечно. Закрой, мой Лазарь глаза и вспомни те луга и голос матери, зывавший в шумящее шмелями пространство. Вот где была истинная святость! А теперь ты зачем то восторгаешься глупыми мечтами о возрождении твоей страны... Ты готов душу положить за этот народ, который пьёт с утра до вечера, разносит мат-перемат из одного дома-тюрьмы в другой? Мнишь себя праведником, а ведь когда Элеонора стояла голым задом перед тобой, разве не пробежала по телу некое

бурление неутолённой страсти?

Лазарь есть дух. Лазаря любят духи. Кто способен не любить Лазаря?

...Элеонора дико кричала, истекая молодой кровью. Охранники особняка, матерясь и махая руками-мельницами, пытались хоть чем-то помочь насаженной на пики девушке, упавшей со своего балкона на высокую стальную изгородь.

Лазарь и Сташевский, пыхтя как бегемоты, взобрались на гараж и взялись за помощь пострадавшей. Зазвонил сотовый девушки и где-то в Москве обеспокоенный губернатор, ещё не отошедший от горячего разговора с "хозяином Кремля", мерил просторную гостиничную комнату громадными шагами.

-Слава Богу! – выдохнул Квача, когда бессознательное тело подруги Михалыча сняли с пик. -Жить будет?

Бледный Сташевский проговорил:

-Куда она денется! – и высморкался в носовой платок, купленный в Канаде.

А Элеонора кружилась в потустороннем мире в облаке радости. Голосов вокруг было миллион. Прекрасное личико девушки обмывал бережливый свет, льющийся с неведомых глубин высоты. И восторг от ощущения чистоты и отрешённости от мира был где-то рядом, однако, держался войти во внутрь Элеоновой души.

-Главное – дышит – перепачканный Квача, приставленный лично охранять Элеонору, высказал то, что рвалось наружу.

Вот грудь девушки поднялась и полноценное дыхание вернулось в её раненное тело. Язык, отталкиваясь от своего корневища, по-женски был многословен:

-Лазарь, я была в раю! Мне выпала честь попасть в неза-

бываемые края вечной радости, куда так стремишься ты. Но я...

Сташевский, командуя операторами, начал съёмку.

-...я побывала там не ради денег и славы, а потому что раскаялась в своей беспомощной грязи. Слушайте меня: деньги несут погибель миру, от которого задыхаются и рыбы и животные. Этот мир идёт к концу. Кто виноват, что задуманная Богом как райское благословение земная блаженная обитель превратилось в вертеп разбойников и убийц? Всему виной наша жадность обладать всем и вся. Для чего нам третья машина и шестой дом, когда в соседней квартире от рака груди тихо гниёт твоя соседка, которую ты когда-то звал милой и доброй? Зачем тебе слава и деньги, Лазарь?

Старец одичало взирал по сторонам.

-Она безумна – сказал он и сел на землю. Камеры жужжали как пчёлы; вспотевшие операторы и улыбающийся режиссёр уже представляли те суммы наличности, которые им перепадут, когда зашкаливший за все нормы рейтинг от это-

го диалога взмахнет в телевизионные небеса...

-Ты не хочешь мне отвечать? – невидящие глаза Элеоноры набухли как глазища крокодила. -Я за тебя отвечу: ты труп, Лазарь. Ты – живой труп, который смердит мудростью и знанием жизни, но внутри полон червей. Ты мечтаешь иметь то, что даст тебе спокойную старость, но задумывался ли ты над тем, что лёгкие деньги приносят смертельную удавку? Ты молчишь, потому что это правда...

Не договорившая Элеонора вновь потеряла сознание. Вертолёт "Красного креста" так и забирал её – равнодушную к жизни. А Лазарь исторгнул волчий рык, но спустя с десятков минут был также равнодушен к миру.

Глава 7

Иногда мы упираемся в камень как улитка и не знаем, как обойти препятствие. Камень больше нас, но кто сказал что наши силы равны нулю?

Губернатор сматывал удочки, покидая дом плавными, но до боли жалкими шагами. Квача играл на гитаре, подыгрывая кадыком. Сны в последнее время покинули его, и он знал, что случится нечто важное. Может, он станет миллионером?

-Ты приготовил горючку? – спросил Михалыч, закатывая рукава рубашки. -Заждался я...

Квача ядовито ухмыльнулся и ткнул пальцем в пространство.

-Готово и ждёт своей роли полчаса. Где-то в километре чей-то дом горит, кто-то вас, шеф, опередил!

Губернатор волчьим взглядом припечатал телохранителя к стене. Часто случалось, что Михалыч по-отечески заботился о житье-бытие своего раба, но теперь, когда горят мосты и корабли, он думал только о себе. Позабыта была Элеонора, и на её благословенное место подыскивалась другая соблазнительная попка, старец Лазарь ушёл в тень, и только "Неканоническое житие", принесшая сногшибательные деньги, лежала неподъёмным грузом в его душе.

Они вышли на воздух, подставляя влажные от волнения лица волнам ветра.

-Обливай весь дом и пусть горит этот чёртов пластик, лопается стекло.... Мне нужно, чтоб был адский огонь! Чёрт, руки трясутся как у всякой пьяни!(Сам себе)– Стареешь, старина! – в нос буркнул Михалыч. И уже более громко, но обволакивая неким потусторонним смыслом свои слова, он добавил: -Лазаря позови.

Старец, спавший в это вечернее время как добрый котёнок, шаркая ногами, приволокся к стоящему с факелом

губернатору. Лазарь мысленно рассуждал о нелёгкой своей судьбинушке, попутно посылая Всевышнему послания как испорченный пейджер.

-Лазарь, полетишь со мной. Нет, нет, я уже оставил за тобой место в вертолёте. Ты принёс мне солидные дивиденды, значит мой долг – и тебе принести радость. Деньги в нашей жизни играют ключевую роль и ты не Христос, чтоб от них отказываться.

Роскошный особняк запылал словно сено в поле. Громадные снопы искр разлетались кто куда. Красные пятна от течи огня металась по лицам очевидцев этого представления, так, что никто не мог отвести взгляда от бушующей стихии.

Внутри этого добротного жилища металась некая жизненная сила. Вот она направилась к одному из окон, но путь ей преградил огонь; тогда все её силы устремились в верх, но и там был путь преграждён; и наконец – собрав всю себя в один узел, эта сила ушла в подвал. Если когда-нибудь эти места посетят люди, то им будет нелегко усмирить эти природные мощные энергии, подвергнувшиеся такому издевательству.

Михалыч снизошёл со своих небес и долго толковал старцу о причинах столь решительного шага. Мол, дело сделано, а значит, пора покидать эти гнилые места, где нет жизненно-го постоянства и отправляться туда, где и хлеб вкуснее и слаще молоко. Местом этим он назвал её величество Францию, где уже куплен подобный особняк, но окружённый другим воздухом. А России он оставит лишь пепел...

-Ты и там мне сослужишь службу, да и сам я на многое теперь готов – займись перепродажей оружия, благо тылы мои теперь основательно прикрыты. Бросишь свои спиритуалы – и айда, в европейский бизнес! У тебя получится.

Старец был ошарашен этими словами. Глубокие познания в духовных науках вторили ему, что где-то есть ущемление его будущего; червь озабоченности глубоко грыз его изнутри. Надо что-то говорить, но что? Что? Для чего это всё небо, этот горящий лихой дом и страсть непременно увидеть Элеонору?

-У меня нет денег – сказал как отрезал Лазарь.

-Да ты богат как римский патриций, друг! – закричал Михалыч и уши его покраснели от неожиданности услышать подобную глупость. Он уже подумал, что не рехнулся ли этот чудака?

Загудел вертолёт. Квача прибежал с портфелем под мышкой, где был собран знатный компромат на многих лиц, обременённых властью и передал его беглому губернатору.

-Ну, всё! – выдохнул волновавшее Михалыч. -Теперь бы не разбиться, а то будет радость гробовщикам.

-Значит, Россия вам уже не нужна? – глубоко волнуяще произнёс Лазарь.

-С того края земли будем думать о неё. Куда она денется?

Старец страшно бросил на этого родинопродавца взгляд. Некая сила давила на него коленом, была под дых, зажимала горло... Но как же Россия?

-Но ведь людей нельзя бросать на пол пути! – вскричал Лазарь и метнулся вырвать из рук Михалыча портфель с важными бумагами. – Русские всегда плохо жили, а был шанс дать им пищу, которая важнее каши с маслом...

Михалыч рассмеялся и стал махать руками.

-Да что ты мне мозги морочишь, дурачок деревенский! Хочешь чтоб я всю Россию кормил? Твоя духовная пища нужна только попрошайке у метро: ему деваться некуда, вот он и будет Бога искать как слепец – свет. А мне благополучие, комфорт нужен! Я хорошо и красиво жить хочу! А ты не хочешь?

Лазарь молча принялся садиться в вертолёт. У него пропало всякое желание разговаривать.

Сын Михалыча Никита, насупившийся словно старый сом, показывая старцу полусогнутым пальцем в пол летательной машины, набравшей высоту, тоненьким голоском

говори́л:

-Папа послал всех в жо́пу.

Бегущий казнокрад, заглушая нервический смех, оправил на ребёнке рубашонку и произнёс:

-Не в жо́пу, малыш, в крым-тара-рым!

Глава 8

Когда обвитый горячим воздухом вертолёт экс-губернатора коснулся площадки международного аэропорта Владивостока, Лазарь полузакрыв лицо газетой, совсем впал в проstration: ему чудился город, окружённый дымом и пламенем, и дикий ор обезумевших глоток взывал к небу о спасении.

Состояния потери перспектив ещё более усилилось, когда он уже сидел в автозаке, в окружении двоих мордovorотов в форме полиции. Глубокие морщины разрезали усталое лицо Лазаря, превратив его в некое подобие маски вуду.

Через четыре дня, которые старец провёл в СИЗО, время удивительно нахально выпивало его соки, терзая струны души высокомерным обращением надсмотрщиков и сидельцев камеры. Один, с наколкой профилей Ленина и Сталина, обходя всякий раз как планер вокруг Лазаря, цедил сквозь жёлтые зубы: "Мать его... а ну его к собачим..."; эти гнусные слова повергали Лазаря в нестерпимый трепет, от чего тоска и жалость к себе самому сменилась страхом потерять управ-

ление над своим телом.

В кабинете у следователя, на подоконнике которого мухи смело сделали место последнего упокоения, старец, высморкавшись в платок, составлявший всё его богатство, мыслил как человек, потерявший надежду быть свободным: он улыбался невпопад, тихо говорил и везде вставлял шальное "Спасибо!" Чистосердечное признание, однако, он отказался подписать, не зная за собой никакой вины.

-Но это же Вы спалили судьбу нашего губернатора – утверждая истину, говаривал несколько раз лысый следователь, туша в пепельнице вонючие сигареты.

Лазарь, прищуриив глаза, отвечал:

-Ну что вы, куда мне болезному такие подвиги – я и в молодости Гераклом никогда не был, а вы такое мне приписываете...

Посмотрев на этого человека в авраамовой бороде, где во-

лоски словно черви завивались и мешали друг другу, следовательно поёрзал на стуле и начал с другого горизонта:

-Однако, Вы не отрицаете своё участие в этом зубодробительном телепроекте "Неканоническое житие", собирая всех любопытствующих всякий вечер?

-Да, я был посредником между народом и Богом. Разве это плохо? Посмотрите, сколько наркоманов ушли от иглы, а беспризорников обрело новые семьи... Вы располагаете соответствующей статистикой? – еле сдерживая себя, сказал Лазарь.

Следователь пробежал глазами по бумажке и вынул свои козыри:

-Что ж, если Вы считаете себя национальным героем – дело Ваше, но Вы настроили против себя всех власть имущих, даже наш президент возмущён этим шоу, где религию и духовность смешали с откровенным сатанизмом...

-Тут вы ошибаетесь: мне не дано вредить своему народу. А что касается президента – Бог ему судья; мне же необходимо вас уверить, что я всей душой радовался духовному пробуждению России. Часть меня всегда клонила в сторону уйти и заняться молитвой, но большинство души отвечало на это поступком с далеко идущими последствиями. Я страдал: мне было тяжело перед телекамерами обнажать суть себя, но я бесконечно рад и горд тем результатом, который я и губернатор принесли русскому обществу.

Следователь прикрыл шторы от назойливого солнца и присел на стол.

-Губернатор скрылся, бежал из России и теперь обитает во французской провинции, а Вас готовы растерзать наши хищные волки. Берегитесь!

-Спасибо – глубоко задумавшись, сказал Лазарь и вышел из кабинета.

Суд состоялся спустя две недели. Весь зал был объят розовым светом, согревавшим осенние души собравшихся. Сек-

ретарь, восседавший на высоком кресле, стучал по компьютерным клавишам кресле, составляя летопись одной отдельной трагедии одного русского человека, на которого навешали всех собак.

Женщина-судья, всякий встряхивая высокую причёску, из-за очков разглядывала присутствующих.

-Подсудимый, Вы признаёте своё участие в деле, нанесшем значительный моральный ущерб нашему обществу?

-Мне стыдно об этом говорить, но, простите, вы несёте какую-о ахинею!

Судья грозно метнула молнии.

-Ахинею несли Вы, да ещё почти каждый день на протяжении целого месяца, выдавая свои духовные подвиги сомнительного содержания за учение об истине...

-Что есть истина? – перебил судью Лазарь.

-Истина – это право государства располагать Вашей судьбой по своему рассмотрению. Вам грозить 9 лет лишения свободы.

-За что?

-Вы поставили себя выше государства и причинили ущерб одному высокопоставленному лицу!

Лазарь громко воскликнул:

-Откуда у вас такие убеждения?

-За Вами следил человек, которого Вы видели ремонтировавшим мотоцикл. Все Ваши действия фиксировались в цифровом виде и суд располагает этими материалами. Сбежавший губернатор вывез свои финансы на кордон, однако, бросил своего малолетнего сынка, но мы обязательно вернём

беглеца и посадим туда, где Вы будете сидеть. А сидеть Вам, я уверяю, придётся долго. Россия взялась очищать свои гумна от навоза!

Воздух закружился вокруг Лазаря, вбирая его способность слышать, но оставляя право видеть. Этого было достаточно, чтобы превратиться в маленького беспомощного зверка, уничтожаемого более хищным видом. Так, одна большая полноводная вода поглощает собой малую,; так безжалостная система доводит до безумия нежный трепетный дух противника...

... "Элеонора, душещипательная Элечка, мне ли быть раздираемым надвое страстью к тебе? Я всю жить отдал поискам истин, пусть самых мелочных на быстрый взгляд, но я не жалею этих мгновений... И самая долгожданная обновка в моей судьбе – встреча с тобой! Ты обратила мои немощи в преимущество обладания совершенной красотой. Я – полубог, если такая нимфа вошла в мои покои! Пусть чресла мои горят неуголимым огнём, пусть запах твоих волос сводит меня с ума – я кроток как овен и зорек как ястреб. Бог – со мной! И ты всегда где-то рядом..."

Тебя, мой дорогой читатель, может устроить такой конец этой истории? Думаю, будет неважно, сколько дадут лет наказания нашему старцу, важно другое: то, что он пытался совершить в современной России, наказуемо законом – хотеть принести добро, но вдруг пострадать как всякий спаситель?

Изгой

[битая ссылка] *Алексей Сулов*

1

Тусклый свет фонарика вдыхал жизнь в величественные развалины одного из древних городов Греции. Мальчик, еле дыша под одеялом, впился в эти иллюстрации, дающие ему связь с миром знаний, которыми он бредил с самого осознания самого себя. Его всегда влекло к этим местам, где время убило идею, но последнюю до конца истребить невозможно и мысль глубоко вошла в камень, вогналось ветрами и дождями в эти статуи...

Всё же ночь с фонариком под одеялом для мальчика была раем. Но был и ад – то, что происходило днём в простой, но подверженной тленом, школе, по достоинству носящее звание адское, иначе зачем сонные учителя находили удовольствие в этих экзекуциях с близоруким мальчишкой, глухим на одно ухо и ставшим изгоем среди группы отморозков во главе с Лысым, тем, что был очень зол и страшен, а потому де-

вочки его на дух не переносили, за что он мстил всем тем, кто был слабее его.

Лысый приносил в класс какие-то вещества, после глотания которых помещение наполнялось вонючими миазмами. Бедные девочки не находили себе места, их платья быстро пропахивались этими зловониями, а близорукий мальчик, оплётанный со всех сторон, затаив дыхание, ждал окончание уроков.

Ему никогда не приходило в голову прогуливать занятия, что проходили как в клетке со зверьём. Это было потому, что он очень любил учиться и даже все эти мордования и унижения, заполнившие его пребывание в школе, не отвалили его и получения знаний. Мальчик особо тянулся к познанию родного языка; физика и химия ему давались нелегко; физкультура же сплошь состояла из затрещин и пинков, потому что тут говорить о любви к ней.

Лысый никогда не требовал со своих жертв денег, находя в издевательствах чисто эстетическое удовольствие, как кто его находит среди книг, природы

и девушек. Череп Лысого был обезображен шрамами и страшен. Был случай, что он проник ночью на автостоянку и там на него напали сторожевые псы. Сторожа зрелищем крови воодушевились, ни за что не желая прекращать наказания вора и привязали его к одной из будок, но пацан сумел кое-как выбраться под утро и удрать восвояси.

С тех пор Лысый невзлюбил всякого, вставал на его пути, и он вымещал своё унижение от рук сторожей их собак на всяком, кто не набрался силёнок чтоб дать существенный отпор. Близорукого мальчика он гнобил с особым азартом, как угробляет водитель не понаправившемуся машину. Очки, сутулость, скованность в движениях – всё это сотворило в Лысом вечное отторжение к этому замухрышнику. Он не достоин жить – думал всякий раз изверг, когда щурившийся мальчишка входил в класс и садился на своё место. Лысому вторили другие, мало успевающие в учёбе, но набравшиеся силушку на тренажёрах. Этих пятерых мальчик видел даже ночью, в своём доме – они не давали ему спать, завывая и крича в каком-то трансе и эти видения создавали ад. Этих воплей никто, кроме мальчика не слышал – они были миражом, и родители его спали крепким сном. Но этот ад кончался тогда,

когда мальчик включал фонарик и принимался в чтение дорогих ему книг.

2

Красивые растения создавали классу вид оранжереи, где случаются попытки познать истину. Близорукий мальчик, съезжившись, слушал учителя и заносил выводы в тетрадь. Девочка напротив, играя с телефоном, отсылала между делом пикантные сообщения своему собеседнику. У девочки были золотистые волосы, достававшие до низа спины. На ученице была привлекательная школьная форма, которой придерживались для порядка, в школе, считавшейся лучшей в городе.

Учительница писала алгебраические задачи, на которые класс изыскивал свои ответы. Внезапно дверь приоткрылась и вошёл заместитель директора. Это был импозантный мужчина с косичкой, в коричневом пиджаке с латками на изгибах рукавов, в алом галстуке, которой ему несказанно шёл. Он попросил учительницу следовать за ним, так как кто-то из завучей звал её к телефону.

Только закрылась дверь, Лысый вскочил, побежал к доке и стал громко говорить:

-У меня важный вопрос. Если человек нам безразличен и мы не видим пользы от него, то что мы обязаны сделать? – голос его вызвал восторг у мальчишек, но ужас у девочек. Мужская половина загудела и некоторые кричали:

-Как говорили гладиаторы: да будет ему смерть!

Лысый выволок близорукого мальчика на середину помещения и поднял его руки вверх. Мальчик застыл взглядом в потолок.

-В этой туше столько бесполезного и вялого, но я позволю себе холод прикосновения к нему. а потом вытеру руки – Лысый выговаривал наболевшее.

-Он, по-видимому, еврей – крикнул верзила с четвёртого ряда – А евреев принято вешать!

Близорукий мальчик так и стоял с вытянутыми руками, полностью потеряв управление над собой. Горький спазм в желудке сотрясал его. Глаза его блестели и отражали солнечный свет. Сняв с жертвы пиджак, Лысый отдал его одной из девиц, и произнёс чётко как на марше:

-На память, куколка.

После, слегка отдышавшись, Лысый взялся за брюки и уверенно расстегнув ремень, стал стаскивать их с близорукого мальчика.

Брюки были влажными от пота и потому разнёсся неприятный запах по классу. Некоторые зажимали носы пальцами, и глядя на них, Лысый заорал:

-Слишком все нежные стали!..

Мальчик остался в майке и трусах. Изверг взял паузу.

-Вот чучело уже готово к казни. Интересно будет посмотреть, как этот дохляк будет себя вести, когда останется совершенно голым.

Все засмеялись, а одной из девочек стало плохо. Её обмахивали платком, а она всякий раз спрашивала, закатывая глаза:

-Было уже?

Избавила от продолжения пытки мальчика вернувшаяся учительница. Она строго бросила взгляд на Лысого и его жертву, и ткнув пальцем в очки мальчика, произнесла с желчью:

-Забирай свои манатки и иди вон с класса! Ты пор-

тишь мне весь учебный процесс.

Мальчик вышел, унося с собой своё унижение и стыд.

3

После этого происшествия, мальчик попал в кабинет флегматичной директрис. Кабинет украшали портреты предшественников этой самой женщины, с кучерявыми волосами, заколотыми изящной штучкой. В углу, у растущей пальмы на стене висела клетка с попугаем, который всякий раз кричал: " Дуурак, дуурак!

-Прходи, мой дорогой – с порога окликнула мальчика директриса, массируя пальцы вьетнамской лопаточкой. Её прищуренные глаза коварно оглядывали весь кабинет и создавалось впечатление, что она зорко видит и за кабинетом, все закоулки школы.

-Итак. мой дорогой, ты вновь совершил вызываю-

ще ужасный поступок – голос флегматичной женщины, сидящей на диване, был убийственен. – Ты садись, в ногах правды нет.

Мальчик сел рядом с попугаем.

-Я много думала о твоём поступке и пришла к выводу, что необходимо искать выход из всего того безобразия, что творится вокруг тебя. Выход один – нужно оградить тебя от посягательств этих мерзких драчунов, которые портят жизнь лучшему ученику школы. Ты, конечно, не лучший ученик, но мог бы им стать путём чрезвычайных усилий, но это достижимо. Нужны лишь некоторые усилия со стороны твоих родителей...

Мальчик почесал лоб и сказал:

-Нужны деньги?

Директриса слабо улыбнулась и встав с дивана, по-

дошла к собеседнику.

-Поговори с родителями о небольшой сумме, которая вполне их устроит. Хотя бы 200 тысяч – и я, со своей стороны совершу справедливый поступок – я выгодно со школы этого негодяя Лысова. Пусть идёт на все четыре стороны! Мальчик, ты станешь отличником!

Мальчик посмотрел на попугая. Птица явно понимала, о чём говорят эти двое.

-Я знаю, где у родителей хранятся деньги.

Директриса хлопнула в ладоши.

-Вот и умница! Я верила в тебя и ты оправдал мои надежды. Я жду тебя завтра с утра здесь же. Ты должен изменить свою судьбу в лучшую сторону.

Она угостила мальчика виноградом и ароматный

запах заставил попугая носиться по клетке словно учумелый.

Оставшись одна, женщина долго сидела не шевелясь у шкафа с энциклопедиями и думала об этом странном мальчишке в старомодных очках, судьба которого находилась в её руках.

4

Пухлая стопка купюр лежала на столе, прикрытая носовым платком. В открытое окно кабинета поник поток солнца и тени от пожелтевших деревьев играли на полу из линолеума. Сама директриса дремала после вкусного и сытого обеда.

Настойчивый стук в дверь разбудил и попугая, и хозяйку.

-Кто там? – встрепенулась женщина и встала с кресла.

Голос у двери был до боли знакомым.

-Это я. тётушка – отозвался Лысый и вошёл в кабинет. По его лицу струился пот.

-Этот хлюпик мне всё рассказал. Как ты могла требовать с него деньги? Ты решила всё перечеркнуть одной чертой: и с него взять денег, и меня выставить за порог этой дурацкой школы.

Директриса сложила руки на груди и громко, содрогаясь, возразила:

-Ты потерял всякий стыд, дорогой племянник! Ты не одного его гносишь, но всю школу! Что ты хочешь мне сказать? Молчи, говорить здесь буду только я ! Мне не нравится, что ты стал как необъезженный жеребец, который рвёт удила и готов убить укротителя. В другой школе тебе будет несказанно лучше: там тебя в раз обломают.

Лысый вплотную подошёл к тётушке.

-Давай деньги, старая курица!

Директриса засмеялась.

-Ты не только лишён волос, но и ума. Убей меня, тогда деньги будут твои.

Пацан, собравшись, ударил её по лицу. Из разбитой губы посочилась кровь, придавая лицу женщины убийственно жалкий вид.

-Помогите! – истошно закричала оскорблённая рукоприкладством женщина.

Лысый схватил деньги со стола и заметался по кабинету. пытаясь поскорее его покинуть, но волнении забыл, где находится выход. Нечаянно он отбросил

директрису, а сам, взбудораженный как загнанный зверь (он слышал уже торопливые шаги по коридору), вскочил на подоконник. Отброшенная женщина ударила головой об клетку и выпустила попугая. Птица, перепугавшись на смерть, направилась к окну и ударила об лицо Лысого. Пацан упал за окно.

-Он там! – показывая на окно, кричала дико директриса. -Бедный мальчик!

Тело разбившегося на смерть и разнесённые по асфальту купюры – вот картина школьного двора. Смотря на всё это, близорукий мальчик что-то шептал, а утиравшая кровь директриса рассказывала любопытствующим всю историю произошедшего. Её слушали молча, поглядывая на разбитую об бордюр голову Лысого. Приехавшие полицейские оградил территорию происшествия красной лентой.

Подошедший к шептавшему мальчику один из друзей умершего, проговорил ему на ухо:

-Не бойся. Я буду всем управлять – а про себя подумал: "Всё равно с тебя ничего путного не выйдет, а для меня ты сверчок, раздавлю и растопчу ногой".

Вишнёвое варенье

[битая ссылка] *Алексей Суслов*

1

Лето в этом году было так себе, а вот дождь преуспевал в действии как никогда.

Двое суетливых человека, разных по возрасту и мировоззрению, но объединённые одним воровским делом, возились с замком одного из дачных домиков.

Игорёк, весёлый и озорной, не смущающийся ничем, приглядывался давно к этому домику, а второй, его напарник, которого звали Сергеем, был в не в ладах с этой затеей: его интуиция что-то ему шептала. "Могли бы и другой погребок грабануть – размышлял он, – чтобы там брюхо набить и жить сытой жизнью, но Игорьку этот дом подавай..." Долго отго-

варивал последнего Сергей, но сошлись на том, что всё делать будут не впопыхах, а по-серьёзному.

Когда замок спал под жёстким напором гвоздодёра, Сергей бросил свои мысли о каких-то потаённых страхах и первым вошёл в строение, пахнущее сыростью и лаком, как в старой столярке.

-Ну вот, а ты говорил, что пятница – не лучший день воровать... – пробурчал Игорёк, вешая кепку по-хозяйски на вешалку в прихожей – Здесь даже мышей нет, значит вся еда в порядке, а потому, ух, набъём мы свои утробы, мать великая! – Он весело сел в кресло у правого окна, выходящего в дивный сад и закурил.

Сергей, тощий от перловки и жиденького чая, и то через день, стоял в пороге и всё думал, как же Игорёк решился вылезти из своей берлоги, когда у него ящик тушёнки и копчёная колбаса, пахнувшая мясным заводом? Ему хотелось есть до зарезу, а тут ещё тучи заволокли небо и ветер стал качать деревья за окном, так, что в животе Сергеевом бурчало как в медном котле.

-Посмотри, что там за тетрадь торчит в двух шагах от тебя? – небрежно сказал ему Игорёк. Сергей вытер глаза от слёз и открыл полузапертую дверцу шкафа. На аккуратно сложенных простынях и пододеяльниках лежала тетрадь, обёрнутая синей клеёнкой. На обложке значилась запись: "Лето 2010. Дача". Сергей стал пролистывать записи и понял, что делала их женская рука, чистописание которой приятно бросалось в глаза.

-Это дневник. Хочешь, почитаю, пока ты куришь – тягучим голосом произнёс Сергей, облокотившись об стену в жёлтых обоях.

-Валяй – бросил Игорёк и закрыл глаза.

-Сергей противным голосом начал:

"Такое-то число, понедельник. Ягода в этот год поспела рано, а потому мой безумец ворчит, что она будет кислая. Ну, и пусть бормочет, меня давно уже не волнует его дикая озабоченность своими пустяковыми проблемами. А вот со-

сед, офицер, хорош стал в это лето: статный, молодой, подтянут и галантен с женщинами. Все его ритмичные движения, ох, как бойко действуют на наше бабье сердечко! Вот бы и мне молодость вернуть...

-Ага, хорошо начало! – зевнув, пробормотал разомлевший Игорёк. – Слышь, Серый, залезь в погреб, найди что пожрать.

Первым попалась банка вишнёвого варенья.

-А давай поедим – махнул рукой Игорёк. Его утроба требовала чего-нибудь сладкого, а по тому варенье пришлось как раз кстати.

Хорошенько полакомившись, Игорёк отошёл от стола, вытер руки об полотенце на шифоньере и снова сел в кресло.

-Продолжай, Лермонтов – командно рявкнул он.

"Следующие число, вторник. Нарвала ягод, а тут сын подъехал. Я ему: привёз что говорила? Он: а как же, а сам даёт бутылёк и смеётся. Говорит: только побольше сыпь, чтоб не мучился...

-Не понял. Это она о чём? – подскочил Игорёк и бросил сигарету, уже вторую в окно. -Ну, читай живее!

"Когда варила варенье, значит, вишнёвое, бросила к котёл пол баночки того порошку, так что скоро, дорогой мой муженёк, будем заказывать тебе деревянный футляр в полный рост. Ах, хорошо сынок пристроился патологоанатомом, все следы этого яда уйдут в могилу вместе с моим благоверным. А пока...

-Подожди, ты, что, не понял? – вскричал Игорёк и подскочил к напарнику.

-Нет.

-Она же отравить хотела мужа, ну, этим чёртовым варе-

нем! О, какой я дурак! Отравила!

То, что произнёс Сергей, было не книгопечатно.

2

Самое, что может по-настоящему напугать человека – это когда он поймёт, что то, что он задумал – уже не исполнись; по-разному он относиться к потере лет и годов, но одинаково – к полной утрате жизни и дорогих ему сердцу идей.

Игорёк клял судьбу, что успел мало что совершить в чередё дней, отпущенных ему. У него когда-то была семья, но ненастное тюремное бытие перечеркнуло всё то, о чём он заботился много лет – о жене и детях. И теперь, он вещал Сергею о тех днях, что жестоким прессом легли на сердце.

-Не забыть мне того дня, когда я свалил всю вину за убийство на невиновного, с той животной страстью, что делает из человека волка. А он, этот мальчик – он как овца, что идёт на заклание, получил ещё больший срок, хотя был не виноват и в первом, он по вере своей баптистской, а возможно,

по благородству человеческому принял ярмо на шею. – так рассказывал Игорёк о минувших днях и глаза его заволокло туманом воспоминаний.

На виду те мгновения, как в нашу камеру вошёл тот мальчик, голубоглазый и весь сопатый как лось. В руках его была Библия и он сразу принялся её читать вслух, будто мы просили об этом. Но мы на дух не переносили все эти вычурные слова о спасении и благодати небес, но слушали как зачарованные. Карты отвлекали слегка наше внимание, но я уже тогда понял, что это человек спасённый, а значит великий. Иногда, кидая карты, я задавался вопросом: а ему за что эта собачья жизнь? И сам отвечал: не знаю, ибо я человек убогий, а он. в свои 19 или 20 – всё знающий, что по голосу этому слышно.

Игорёк слегка отдышался и продолжил:

-Я любил играть до упаду, ведь широка моя душа, находя в этом нескончаемое удовольствие и упоение. А в тот день фортуна была при мне, так что Щуплый быстро начал заводиться. Щуплый любил мухлевать, а потому – "играй, колода, но я смотрю в оба!" Совсем не хотелось есть балан-

ды и мы быстро сыграли пять партий, перекурили последние окурки – и снова! В вечер вошли с сильной усталостью, но глаза горели адским огнём. И тут мы заспорили о чём-то, и возникла свалка наших тел. Это мы, значит, подрались. Я что силы толкнул Щуплого на шконку, а тот возьми и ударься головой об угол. Потекла кровь и мне сказали, что я теперь убийца. Но знает Бог – не хотел я этого! Явились мне мамины глаза и внутренний голос вещает: забудь меня, душегубец. Вошли охранники и спрашивают: кто? Я что есть духу тычу в баптиста, а тот молчит. Его и взяли. Ночью я не спал, а только катался по одеялу и твердил: не я, не я! И стояли его голубые глаза, как небо в погожий день...

Игорёк встал и вышел во двор. Сергей пошёл за ним.

3

Сергей вобрал воздух как рыба и выдохнув его с силой, ощутил всю горечь своего существования. Да, быть отравленным столь нелепо, закончить свою жизнь от вишнёвого варенья, предназначавшееся какому-то старикану, а он даже не был женат. И теперь, когда пошли последние часы жизни, в него вошло свободомыслие, с грустью, отравляющей душу.

-И у меня есть свой скелет в шкафу – начал Сергей – Несколько лет мне снится один и тот же сон, где трое мужиков в оранжевых робах насильничают над бедной женщиной, а я стою рядом, заолодевший и ничего не делаю. Я не знаю, кто эти негодяи и кто эта женщина, но я знаю за себя что я – трус, слизняк, ничтожество. Доктор мне сказал: это от того разночасового засыпания, которым грешат многие, но мне то что от этого? Я хуже собаки; голос женщины рвёт меня на части.

Вся моя жизнь наполнена страшилками, будто я боюсь всего: грозы, пауков, машин, пьяных и громкоговорящих... Часто сознавая свою никчемность, я задумывался о своей исключительности (я безумно легко разбираюсь в математических задачах высокого уровня, превосходно играю в шахматы), но эта исключительность больше всего бьёт по нервам. Я живу в ожидании чего-то мрачного, загромождавая разум чертополохом гнусности.

Стоило Сергею закончить, как у Игорька открылась рвота. Рот исторгнул мутную вишнёвую массу и тело покрылось судорогой. Тоже самое пошло и у Сергея, с тем лишь отличием, что потекли и сопля.

Дул жаркий воздух с полей. Кукушка наслаждалась своим прогрессирующим награждением годов, а тела двоих преступников валялись у старой яблони. По ним ползали муравьи и жуки; одна из собак мелкой породы даже справила нужду на тело Сергея.

-Серый, чтобы ты сделал с миллионом баксов, если бы их тебе дали в данный момент? – шепнул Игорёк.

-Я бы купил бутылку водки и пошёл на могилу матери.

-А я бы нашёл сотню рабочих и выстроил на месте тюрьмы парк аттракционов. Пусть дети радуются детству.

4

Жара стояла неожиданная, так что листья кустарников и растений спали до земли. И если бы не крона яблони, наши двое героев сгорели бы от солнечных палящих лучей.

Эти охотники до чужого добра медленно, но угасали в силу своего чувствительного воображения. Рожа Сергея была пунцовой, а Игорёк стонал и харкался красной слюной.

Таковыми их и застал хозяин домика, Степан Кузьмич, и хотел бы звонить в полицию, но сжалился по душевной доброте. Его седая бородка всё время манила пальцы и блестела в свете отблесков от машины, на которой приехал поработать и отдохнуть наш горожанин.

-Ну, бедолаги, говорите: кто хозяин сего добротного места?

Двое замычали: не знаем.

Степан Кузьмич пробурчал:

-И что ж вас так разморило?

Пошёл, нарвал табаку да приложил к лицам этих несчастных. Немного полегчало, но тошнота не прекращалась.

Рассказали они, в чём дело, ведь не могли не молчать.

-Ну, скажу вам сразу: яда там нет. Но он был. Вовремя я его ликвидировал, как в воду глядел. – сказал хозяин домика, обливая Игорька и Сергея водой из большого ведра. – Хвалите Бога, что вовремя я прочитал эту запись. Всегда любил копаться в этих дневниках своей старухи. Иногда толковое пишет. Вернее, писала, ведь больше мне её сочинения не читать – разводиться будем.

-А может уже не стоит? – сказал Сергей, когда они все троём сидели у пруда, в который Степан Кузьмич кидал хлеб рыбам.

-Такое не прощают.

И всем в своей редакции литературного журнала Степан Кузьмич говорил, что нашёл двоих новых друзей, и эти двое

были как дар с небес – с них можно совершить подлинных людей. Много дней он ждал такого подарка, чтоб написать объёмистый литературный труд с уклоном в философию, и теперь, по-видимому он его дождался.

А в дневнике своём записал:

"Эти двое знают и добро и зло во всех нюансах, а потому они ценны для меня как экземпляры для нового, достойного опыта наблюдения. А сама запись в моём дневнике рождает действие, поскольку мысль обретает жизнь уже вместе с узнавшим её, и этот глубочайший смысл существования даёт разуму глядеть в будущее."

Девушка лёгкого поведения

-Вы сегодня особенно печальны – произнёс слегка приглушённо мужчина средних лет, одетый в элегантный тёмный костюм дорогой пошивки не отечественных фабрик. Он сидел в такси вместе с девушкой, настолько очаровательной, что у него щемило где-то в груди от мысли быть рядом со столь юным, но со зрелой красотой, созданием небес.

-Это так заметно? – девушка выглядела озадаченной после столь внезапного откровения со стороны Константина Сергеевича, ведь её профессия, древнейшая из древнейших и не привлекательная со стороны общественных взглядов, не имела за собой прав выразить своё мнение: Катерину научили говорить расплывчато, скрывая завуалированно свои потаённые мысли. А вот этот импозантный муж разговорился...

-Я несколько лет любил женщину, у которой не было ног... Что вы так побледнели? Ну, это обыденность в наши пресыщенные дни. Случается, богачи отписывают свои ранчо и виллы лошадям да собакам, когда свои же бедные род-

ственники сдыхают с голоду... У меня нет несчастных родственников, меня влечёт чувственность неожиданной марки, от которой обыватель отшатнётся и матом заговорит. Вот и вы, милая Катерина, бледны как городской карась... Вам бы больше бывать на солнце, греть свои косточки под жаром небес... Помогает от хандры.

Девушка повела плечами, жадно кутаясь в платок.

-Что же такого отыскиали в той безногой?

Константин Сергеевич улыбнулся как римский бог.

-Сострадание к себе. Она не имела ног, но имела широкую душу; именно поэтому меня к ней и влекло. Я ведь исконно русский, дед мой заведовал текстильной мануфактурой, занимался живописью и заглядыванием под женские юбки – ни одной бабы не пропускал в своём имении. От него эта страсть к женскому полу перешла и на меня. Люблю любить! Ах, это слово "Любовь"! В нём мало эротизма, зато много свободы. Свободы парить как птица, мечтать о несбыточном, чтобы ещё глубже погрузиться в мир грёз.

Мужчина поднёс дымящую сигарету ко рту и жадно закурил. Он мог говорить о себе часами, настолько был самовлюблён. Однако, эта слабость делала его ещё величественнее, будто он – русский Наполеон без армии, которому дозволено убить старушку. Эта статность, обладание большими деньгами (он владел десятком игорных заведений), скрупулёзность в мелочах – всё это создавало портрет мужчины, довольного собой и своим местом под Солнцем.

Такси медленно подъехало к особняку в Замоскворечье. Они вышли и направились через арочную калитку по аллее из туй к большой позолоченной двери. В доме было прохладно, работал кондиционер, разгоняя по особняку из трёх этажей живительный воздух.

-Вы не стесняйтесь – сказал Константин Сергеевич – Здесь моё тело и отдыхает. А вот душа всегда в делах, что поделаешь...

Дорогие картины составляли целую изысканную галерею. Были и особенно шикарные полотна морских баталий. Хо-

зьяин любил их гладить своей могучей дланью, словно ласкал любимое чадо в колыбели. Ещё одной страстью его были бабочки, порхавшие в огромной чаше со стеклянной сферой. Всё здесь дышало изысканностью и влюблённостью в свои мечты.

...Они пили вино в беседке в саду после мгновений близости, когда Константин Сергеевич, отдал волю чувствам. Катерина старалась сблизиться духовно в эти моменты любви, но мысли её витали вокруг той безногой женщины, которая завоевала сердце этого богатого чудака. "Что было у неё, чего нет у меня? – размышляла девушка, пригубляя вино из дорогого бокала. – Кто поймёт этих мужчин с большими кошельками, жизнь которых есть длинная сказка, в которой они полноправные правители".

-Расскажите о той женщине...вашей страсти – попросила Катерина.

-Она знала так много обо мне, как не знал я сам. Её взгляд пронизывал меня насквозь...

Катерина внезапно вмешалась:

-Скажите, как её звали.

-Очень просто – Маша. Не кажется ли вам это имя божественным? У него вкус корицы с мёдом. Это вкус страсти.

-И вам не было противно заниматься с ней любовью? Она же калека.

Константин Сергеевич вознёс взгляд в потолок, к зеркальным люстрам.

-Не скажу, что калека; она имела больше , нежели имеее вы. Вы обладательница шикарных ног, ну так что с этого – она имела их – и не имела ничего, а когда лишилась – стала иметь всё. Вы бы видели, как она плавала! Лишённый ног труднее будет тонуть, чем имеющий оные. В этом вся живучесть всякого инвалида. И в этом его достоинства перед нами.

Девушка поправила платье.

-Она умерла?

-Да, и это была глубочайшая для меня трагедия... Мария лишилась ног в автодорожной аварии, когда в автомобиль её отца врезался лесовоз. Это было в Сибири. Суровый край, трагическая история : её ноги слезало как мотовилом. Боль была адская, но после этой боли у неё открылся особый дар привлекать к себе человека и навсегда делать его своим.

Катя печально зажмурилась.

-Ну и страсти вы рассказываете!

Константин Сергеевич, встав со стула, подошёл к Катерине и обнял её.

-Вы могли бы заменить мне её.

-Каким образом? Вы лишите меня ног?

Мужчина статно встал и сложил руки на груди. Его дыхание превращало его в двигатель низкой шумности – он глубоко вдыхал и выдыхал, ссылаясь на больное сердце.

-Вы бы пожили пару месяцев в монастыре матушки Агафьи, очистились духовно, а потом – под венец со мной. А ноги удалять вам никто не собирается, помилуйте!

Катерина встала и поцеловав хозяина в щёку, направилась в выходу.

-Я согласна, но с одним условием: если я передумаю, вы не будете чинить мне ни каких препятствий со своей стороны. Идёт?

-Будет по вашему.

Монастырь, ярко освещённый солнцем, принял Катерину молитвами и трапезой, на которую вышло 23 монахини, задумчивость и скромная доброта которых показались девушке несколько неестественными.

Матушка Агафья оказалась красивой и умной женщиной лет сорока, с хитрым прищуром близоруких глаз. Она не носила очков из-за стеснительности, что делала ещё более осторожной в сношениях с другими людьми. Она приняла гостью её богоугодного заведения с некоторой прохладцей, будто та могла сместить её со столь желанной должности настоятельницы Свято-Успенского монастыря.

-Вам нравится у нас? – обратилась Агафья по прошествии несколько дней у читающей книгу Екатерине. Голос женщины был простужен и впечатлял как скрип стекла.

Катерина робко перевернулась через бок и встретившись с взглядом карих глаз настоятельницы, ответила:

-Я привыкла ко всяким неожиданностям. Даже если у вас здесь зреют заговоры мирового масштаба, я останусь как всегда, спокойна.

Агафья степенно удалилась.

Через полчаса Катя уснула. Её разбудил чей-то робкий голос, который был неописуемо прекрасен на слух.

-Девочка, хочу тебе сказать, что зря ты здесь оказалась. Ты даже не представляешь, какие тайны окутывают нашу обитель – этот голос превратился в пожилую женщину, закутанную в сутану до самых глаз. – Наша матушка спит, да, да, спит с этим вашим Константином Сергеевичем и это длиться на всё протяжении моей жизни здесь. Это он снабжает нас едой и инструментарием, платит где надо, а иначе монастырь давно уже превратился в гнилой лист.

Катя слезла с лежанки и сказала:

-Но вы то от куда это знаете?

Монахиня прикрыла рот рукой и проговорила как разведчица:

-Я слежу за Агафьей. Мне не по сердцу, когда за личиной ангела Божия скрывается дьявол.

-Но ведь и я не из тех, кого называют святошей – сказала девушка.

-Я знаю. Слышала, когда о вас говорила по телефону Агафья со своим ухажёром. Если у вас плохая репутация, это ещё не значит распоряжаться вашей волей. Мне послышалось, что участь куклы для забавы – вот ваша роль по возвращении с этих мест – сбиваясь на напирających друг на друга словах выговаривалась старая служительница Бога.

- У неё есть письма, которые этот хитрый лис Арсеньев...
– продолжила она.

Катя её перебила:

-Кто этот Арсеньев?

-Это наш Константин Сергеевич. Он сделал себе состояние на производстве вакцины для нужд Кавказа. Это несколько миллионов рублей. Его возвели в сан прихвостней Кремля, которые делят кормушку в виде народного бюджета... Ох, эти деньги, скольких людей они сделали скотами, алчнее которых и не сыщешь.

Девушка обняла пожилую монахиню и поцеловала в морщинистый лоб.

-Мир падок на сладкий мёд – сказала Катерина – Это ещё с времён прародителей наших повелось... В том, что мир превращается в нечто подобное старой дурнопахнущему корыту, есть и наша вина... Вы могли бы достать мне эти письма?

Женщина испуганно отшатнулась:

-А вам они на что?

-Я найду им своё применение. А вы станете настоятельницей, если захотите...

Монахиня робко оглянулась по сторонам, будто её окружали дикие звери.

-Хорошо, я попробую.

...Утром следующего дня Екатерина обнаружила что-то под подушкой. Сунув руку, она вытащила пачку писем с желтоватой старостью, которые хранили любовный пыл Агафьи и миллионера Арсеньева. Это была энциклопедия тайного порока – столь откровенно они писали о своих желаниях. "Вот бы удивились сёстры этого монастыря, если бы узнали, кто предстоит перед Господом Богом за их души." – подумала Катя и мрачно улыбнулась.

Покинув обитель, она вышла на дорогу, асфальт которой был разбит до страшных колдобин. Ехавший квадрацикл поднимал облако пыли. Парень, управлявший им, на взмах руки Кати, остановился и улыбаясь, спросил:

-Куда ж вам в такую рань?

Катерина садясь за спину великодушного молодого человека, бросила:

-Мчите меня к ближайшей редакции газеты! Есть с чем наведаться туда, где клопы давятся бумагой!

Редакция представляла собой причудливый стеклянный куб, в которой люди сновали как муравьи. Они прошли в пахнувший дешёвым одеколоном кабинет редактора, выждали положенные полчаса в ожидании приёма и попали наконец-то в радушный вскрик пожилого грузина, зуб съевшего в российской журналистике.

-Мама родная, добро пожаловать, рад вашему вниманию к нам! – вещал при виде их Гохидзе Александр Эбулаевич. Узнав о письмах Константина Сергеевича. он философски изрёк:

-Ох, зря вы ко мне пришли. Я – только червь, копошащий земное, а до небесного не в праве прикасаться... Вот недавно про старушку Исаеву писали, что двор её зарос горчаком и полынью, так она наш туалет подожгла. Как мне про нашего уважаемого Константина Сергеевича такие водевили писать, за это Боженька кару заслуженную пошлёт. Но есть один выход из положение: я отвезу вас с конкуренту Арсеньева Жданову, они как раз соревнуются в выборах местных, как два петуха. Ни дня не проходит без происшествии с той или иной стороны, денег не жалеют друг дружку ужалить по-больнее.

Катерина сказала:

-Что представляют собой нынешние российские выборы?

Гохидзе, вытирая пот со лба, ответил:

-Копание в помойной яме.

Жданов их встретил в городском тире. Он метко выбивал глаза у нарисованной фигуры, на лбу которой почему-то было выведено "USA"... То ли кандидат в депутаты развивал пренебрежение к этой могучей державе, чьи потуги задавить, сломать хребет России был как ни когда безумен, то ли какой-то поклонник армейского воспитания поднимал свой боевой дух...

-Вот, Степан Тимофеевич – обратился к Жданову Гохидзе – Привёз вам нужных людей. А вы всё обижаетесь, мумиями нас называете...

-Помилйте, Александр Эбулаевич, это я в том смысле говорил. чтобы дух ваш расшевелить. Ведь, кроме законов и сплетен с лавочек ничего и не пичагаете! Где эксклюзив, где злободневные вопросы современности? Всё в желтезну ударились, греетесь парниковыми испарениями. Стыдно!

Узнав, что ему привезли, Степан Тимофеевич довольно потёр руки.

-Вот это другой вопрос. Теперь народ будет знать, кто настоящий патриот, а кто фуфло горемычное... Уважили старика, спасибо!

...Но выборы Жданов проиграл: народ, увидевший в письмах Арсеньева к матушке Агафьи народный элемент, пришёл и проголосовал за скандальное имя. А ведь был уже заказан фейерверк и ужин в дорогом ресторане "Три китайца", Жданов предвкушал торжество, но молодой избиратель вновь интимно проголосовал, дал отмашку по паху Жданова...

Прошло три месяца. Наступила яркая осень, её поэтическое окончание... Катерина ехала на интервью с новым депутатом Госдумы Константином Сергеевичем Арсеньвым. Предстояла жаркая битва интеллекта.

На трассе у въезда в Москву стоял "Камаз" и сердито ур-

чал клаксоном. Рядом стояло двое, одетых в оранжевую робу и курили.

-Едет – крикнул белобрысый паренёк водиле, а сам схватил видеокамеру и стал снимать.

Катя ехала со скоростью 80 км и на всего маху на неё двинулся "Камаз". Визг и скрежет металла слышали многие, но никто не стал притормаживать, будто их это не касалось. Теперь, когда каждый сам за себя и дом с краю, тяжело на кого-то обижаться.

Девушку зажало в переплетении металлического корпуса машины. Подъехавший "мерседес" услышал крик о помощи. Из дорогого автомобиля вышел Константин Сергеевич, всплакнул и кинулся помогать Кате.

-Костя, ты куда?! – кричала в приоткрытое ветровое стекло Агафья. Она выглядела прекрасной боной, познавшей взаимную любовь и уважение со стороны почитателей.

А Арсеньев пытался вытащить Катерину, но усилия его были напрасны. Тогда он схватился за мобильник и стал кому-то звонить. И его речь оборвал визг шин и "мерседес", моментально набрав скорость, вмял его в остатки автомобиля Екатерины. Смерть пришла к Константину Сергеевичу мгновенно.